

МНОГОТИРАЖКА ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Я. Махлин, 1991 год.

Фрагмент из публикации «Многотиражка за Полярным кругом или А гиц ин паровоз!» из интернет-сайта З. Берковича «Заметки по еврейской истории» май-июль 2023 года

* * * * *

В Киеве у меня уже начались трудности. От «хрущёвской оттепели» остались лишь воспоминания. Со снятием Хрущёва вообще пошли заморозки. Мне попала вожжа под хвост, я высказал без всяких купюр всё, что думаю, в лицо заму секретаря парткома по кличке «Полупанов». Кличка совпадала с фамилией известного хоккеиста, но происходила от фамилии первого секретаря парткома, кадрового арсенальца Панова. Первый зам, неудачный выпускник Киевского морского политехнического института, ростом с два вершка, макушкой доставал до плеча своего шефа. Этот зам запретил печатать вторую часть сатирической поэмы В.Н. Сахарова.

Пришлось искать работу. Так начались мои скитания по трём из пяти русскоязычных газет города — по молодёжному «Комсомольскому знамени», по детскому «Юному ленинцу» и по газете Краснознамённого киевского военного округа с не менее оригинальным названием «Ленинское знамя».

Чего скрывать, пропуском в эти газеты послужил партбилет, который я получил в парторганизации «Арсенала». Шаг с моей стороны серьёзный, но конъюнктурным я бы его не назвал. Мой отец вышел из окружения с пистолетом и с партбилетом в кармане, а моей маме, секретарю комсомольской организации судоремонтного завода имени Сталина (на Подоле), вручили партбилет взамен кандидатской карточки 21 июня 1941 года.

О въедливости парткомиссий при райкоме, а данное чистилище обязаны были пройти все вступающие в ряды, давно и много написано. В моём случае — отход от сценария. Пока мы толпились у дверей и судорожно листали Устав КПСС, парткомиссия разбирала по косточкам рыжеватого парня, немного старше нас. Его пытали час, полтора. Наконец, счастливо улыбаясь, он появился в дверях. Инженер с какого-то не самого громкого предприятия Печерского района. Но! Родной брат известного нападающего киевского «Динамо» Валерия Лобановского! Команда в те дни гастролировала по Южной Америке. Старшему брату пришлось отдуваться за младшего.

Вдобавок к партбилету я предъявил работодателям в республиканском «Доме печати» диплом об окончании факультета журналистики Уральского университета. В Свердловске при поступлении на заочное отделение журналистики не хватило баллов, пришлось удовлетвориться филологическим факультетом. Штатная работа в арсенальской многотиражке приоткрыла мне и эти заветные двери.

Об учёбе на профессиональном факультете остались смутные воспоминания. Всплывают имена нескольких преподавателей. До сих пор не могу заснуть, если вдруг привидится деятель, вдалбливающий в нас «Историю партийной печати». Основополагающей дисциплины, входящую в двойку госэкзаменов. Уровень студентов нашего «партийного факультета» тоже был, мягко скажем, ниже плинтуса. Под стать арсенальскому активисту, что предложил в честь двухсотлетия завода посадить на аллее между цехами двести дубов... Когда вокруг, уж простите, одни дубы, совсем не смешно. В чём мы с другим абитуриентом, демобилизованным офицером Лёвкой Степановым, убедились на вступительных экзаменах. Лёвка смаковал заголовок в «Известиях»: «Гора родила... шиш». Хотелось тут же поделиться радостью с соседями. Но они или вообще не реагировали, или утверждали, что такая пошлятина центральную газету не украшает.

Отрада за все годы учёбы — методистка заочного отделения факультета журналистики Алевтина Николаевна Храмцова. Благодаря ей удавалось выпутываться из академических задолженностей и прочих неприятностей. Мы ощущали себя её близкими родственниками. Окончание учёбы и получение дипломов (вдобавок к синему ромбику с большим гербом СССР посерединке) она повела нас отмечать к себе домой.

Учиться вприглядку — другое дело. В молодёжной украинской русскоязычной газете безусловным авторитетом являлся ответственный секретарь Евгений Михайлович Северинов. Его одобрение материалу приравнивали чуть ли не к ордену. С точностью до наоборот сотрудники относились к зубодробительным отзывам редактора и, особенно, первого и единственного зама. Благодаря Северинову я понял, что один и тот же шрифт заголовков, но разными кеглями, вразбивку или без оной, делают полосу строже. Без ущерба для привлекательности. А его способности к сопереживанию! Даже рубя материал, он обставлял ситуацию так, будто сам донельзя огорчён.

Что газета — прямой аналог минного поля — лично убедился. Когда основной контингент творческих сотрудников «не той национальности» был (по указанию идеологов из ЦК КПУ) с треском вычищен из «Комсомольского знамени», редактор газеты нашел мне место в «Юном ленинце». Членов партии там имелось всего двое — редактор да ответственный секретарь. Для создания полноправной ячейки не хватало третьего... Им я и стал.

Мина меня подстерегла, можно сказать, на морских просторах. Мне поручили организовать движение юных моряков под названием «Красногалстучная эскадра». Съездил в Севастополь, пообщался с бывшим командующим черноморским флотом и уговорил его возглавить движение юных пионеров Украины. Адмирал побурчал, дескать, столько лет флотом командовал, и вот предлагают эскадру. Но согласился. Чего не сделаешь для нашего будущего!

Номер украсил портрет адмирала, плюс полагающиеся случаю приветствия и клятвы. Всё бы ничего, но в последний момент ответсек увидела, что адмирал «смотрит с полосы». Клише по её указанию повернули лицом к колонкам. Вместе с лицом поменяли местами и ордена с медалями, по статусу которых они в обязательном порядке должны располагаться на той или другой стороне мундира.

Больше с адмиралом встретиться не довелось. Адъютант в чине капитана второго ранга по секрету сообщил, что когда адмирал увидел свой лик в газете, его реакцию не передать печатными словами...

Недолгая работа вольнонаёмным среди господ офицеров пошла на пользу. Уж где-где, а цензоры в газете бдили основательно. Как-то по моей вине чуть не сорвался выход очередного номера. Я привёз из командировки в Черкасскую область отчёт о встрече солдат с героем труда, бригадиром полеводов Гиталовым. Ему выпала честь возглавить борьбу за уважение к хлебу. Разумеется, предоставил фотографии с исторической встречи. Они-то в последний момент (клише долго изготавливали) заставили цензора подпрыгнуть до потолка. Он разглядел на петлицах эмблему артиллеристов и ракетчиков — скрещение двух полевых пушек (в просторечии — палец о палец). То есть, газета оказалась на волосок от раскрытия большого секрета: в степях Черкащины притаились межконтинентальные баллистические ракеты...

Поначалу в Ковдорской многотиражке я не заглядывал в «Перечень запрещённых сведений к печати». Он выдавался под расписку каждому редактору вместе с железным сейфом. На регулярных сборищах в Мурманске мы узнавали о происках пособников шпионов, маскирующихся в местных газетчиков. То один, то другой — в заметках, в объявлениях — сообщал о наличии в райцентре конторы под названием КЭЧ. Квартирно-эксплуатационная часть, как известно, обслуживала воинские подразделения. Но, согласно Перечню, военные дислоцируются исключительно в областных центрах... Ропот коллег в мой «девственный» адрес дошёл до начальства, и оно, наконец, обнаружило в «Рудном Ковдоре» прокол. Он заключался в информации о шефской поездке рабочих обогатительного комплекса на заставу пограничников, каковая располагалась «не так-то далеко от Ковдора».

То есть, супостату совсем не обязательно сверяться с аэрофотосъёмкой, теперь он точно знает, что рядом с городом железодобытчиков дислоцируется стандартное здание погранзаставы...

Слово «многотиражка» стоит в заголовке этих заметок, к нему ещё не раз вернусь. А как иначе в рассказе о представительнице «многотиражной печати» — ещё одно, расширенное, определение, узаконенное толковыми словарями. Начиная со словаря С. И. Ожегова и заканчивая четырёхтомным академическим. Всякие там неуважительные оттенки в рифму никакой тени на многотиражку не бросают, поскольку изначально рядом не лежали.

Энциклопедический словарь информирует, что перед распадом СССР на производствах и в учебных коллективах издавалась 3 681 многотиражная газета, общим тиражом за год 473,9 миллиона экземпляров. Умножим тираж «Рудного Ковдора» — 6 тыс. экз. — на 52 и получим сумасшедшую цифру: 312 тысяч газет в год. Примерно 075 процентов всех многотиражек, издававшихся тогда в стране. В пересчёте на душу населения Ковдор обошёл в СССР все города и веси не только по тоннам железного концентрата, но и по тиражу многотиражки ...

КИРПИЧИК К КИРПИЧУ

В Киеве возможности работать по специальности рушились одна за другой. Уже не говорю о надеждах на получение жилплощади. С удобствами в квартире, а не во дворе.

В семидесятые город стремительно рос. За счёт комфортабельных новостроек, прозванных спустя время «хрущобами». Всё равно, отдельная квартира с туалетом и ванной — это что-то! Ещё один нюанс. Я-то, допустим, мог надеяться пригласить возможную супругу в кооперативную квартиру. Если ужаться, бросить курить и такое прочее. Но это означало оставить родителей в условиях, трудно совместимых с нормальной жизнью.

Руку помощи протянул друг по техникуму, Витя Михайлов. Учились мы в соседних группах. Я в 55-й, он в 56-й. У меня горная электромеханика, у него — шахтостроение. Виталию пророчили актёрскую будущность. В 1954 году, в год окончания техникума и празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, он сыграл главную роль в спектакле о Богдане Хмельницком. В народном театре клуба Пищевиков. И стихи у него получались на уровне. Но он пошёл по технической части и за прошедшие годы изрядно преуспел. Оказался за Полярным кругом, в городе Ковдоре, в должности заместителя директора ГОКа по капитальному строительству. Позвонил и сказал, что убедил администрацию пригласить меня на работу — возглавить многотиражку комбината.

Витя вместе с директором ГОКа А.И. Сухачевым, он как раз находился в Москве, утрясал в министерстве планы комбината. Я примчался на встречу. Да вопрос завис. Директор ГОКа не захотел со мной знакомиться. Объяснил, что должностью редактора занимается партком и что сие надо сначала в горкоме

согласовать. Прошла неделя, вторая. В середине марта пришёл вызов на въезд в погранзону, в Ковдор.

Как потом уразумел, ответственность взял на себя первый секретарь Кировского горкома партии, в чью пригородную зону входил Ковдор вкупе с посёлками. Это я понял, когда съездил в Апатиты на утверждение в должности. По всем канонам представлять меня и утверждать должен был секретарь по идеологии. Но Первый взял управление в свои руки и не сажился, пока за его предложение не проголосовали единогласно.

По правде, означенное место работы соблазнительным не назовёшь. За одиннадцать лет существования многотиражки читателям запомнился разве Георгий Николаевич Косицин, задержался на должности редактора почти два года. Хотя уж кому-кому, а ему, инвалиду с юности, без руки и без ноги, ездить в типографию, в Кандалакшу, было тяжело. Да и отношение к своей газете на комбинате проходило по остаточному принципу. Редакции выделили помещение в... женском общежитии. Правда, спустя год после моего приезда «Рудному» дали пристанище в новом здании управления комбината. Но до сего праздника надо было дожить. И себя показать.

Сразу понял, что мои многотиражные навыки из киевского «Арсенала» надо отставить в сторону. На заводе только в ЦКБ трудилась добрая сотня кандидатов и полусотня докторов наук, плюс несколько тысяч инженеров. Отсюда эзопов язык газеты. Так сказать, били не в лоб, били в глаз. Читатели легко оживляли в памяти образы из Библии интеллигенции — из романов об Остапе Бендере. Да и перифразы не подцензурных песен, частушек и анекдотов тоже падали на хорошо возделанную почву.

В первый год в Ковдоре я ещё трепыхался, помещал стихотворные обзоры. Потом напрочь отказался. Хотя не совсем. Освоил, так сказать, дальнобойную артиллерию, публиковал стихотворные фельетоны да эпиграммы в областной «Полярной правде». Снабжал не самых симпатичных действующих лиц именами да отчествами, в Ковдоре широко известными. Сих ударов местные начальники не то, чтобы побаивались, но на всякий пожарный понапрасну не наезжали на газету и её редактора. За все годы никто из осмеянных не обратился по инстанциям с жалобой. Не захотел выставить себя на посмеище. Даже, когда в фельетоне изгалялись два действующих лица — Рома и Тимофей. А прототип у двоих был один и звали его Романом Тимофеевичем...

С «Поляркой», так именовалась за глаза областная «Полярная правда», у меня наладились прочные связи ещё со времени преддипломной университетской практики, с зимы 1966 года. Мурманский руководитель моей практики, Н.В. Беляев, вырос до редактора, а там и до секретаря обкома. Сосед по общежитию, корреспондент «Комсомольца Заполярья» Николай Бакшевников — возглавил эту газету. С сотрудниками «Полярки» (кадры газеты отличались стабильностью, многие работали там до пенсии) тоже поддерживал связи. Чисто человеческие и, если хотите, профессиональные. Так что, моральную поддержку я ощущал. Потому порой позволял себе задираться там, где умные люди советовали промолчать.

Но сначала нужно было заручиться поддержкой читателей. Заработать авторитет. Выручил опыт многотиражки «Арсенала». Ответсек, Михаил Павлович Семёнов, учил, что нужно ориентироваться на грамотного и развитого читателя, остальные обязательно подтянуться. На оперативках, на селекторных совещаниях да собраниях присматривался и прислушивался. Пришёл к выводу, что следует дорожить мнением Виктории Васильевны Новожиловой и её подруги Татьяны Николаевны Поганкиной — из опытной фабрики. Запомнил и отличал по селектору чёткие, аргументированные слова начальника рудника Виктора Азариевича Эйдельмана и начальника обогатительного комплекса Анатолия Петровича Сидоренкова.

Позднее, когда познакомился и подружился со своими заглавными читателями, узнал, что отец Виктории Васильевны преподавал в Симферопольском университете, дружил с поэтом Серебряного века Максимилианом Волошиным. В войну совмещал подпольную работу с посещением Коктебеля, приносил вдове поэта продукты. А минералог, ученица самой О. М. Римской-Корсаковой по Ленинградскому Дворцу пионеров, Татьяна Николаевна Поганкина открыла мне глаза на писателя Виктора Конецкого.

Забегал вперёд. Сначала предстояло наладить элементарное функционирование редакции. С оглядкой на расширение комбината, на удвоение его мощностей, на добавку к ассортименту продукции апатита и бадделеита.

Опорой редакции стала Галина Афанасьевна Котельникова, в прошлом линотипистка районной газеты на Дальнем Востоке. Благодаря ей я горя не знал. При переливе машинописных строк в линотипные расхождение не превышало пяти строк. Но и это не главное. Опыт линотипистки маленькой газеты, которая набирает материал и сама же правит строки в полосе, никакими навыками не заменишь. После её машинки самые придирчивые авторы не находили ошибок в словах и в знаках препинания.

Со временем, у меня появился надёжный помощник — Анатолий Григорьевич Азаренко. Криворожанин, выпускник заочного филологического факультета Киевского университета, уже имевший солидный опыт работы в газетах, но вернувшийся к профессии, полученной в горном техникуме. Зарплата машиниста экскаватора вдвое превышала ставку редактора, тем более литсотрудника. К тому времени уже удалось завоевать некоторый авторитет на комбинате и ГОК счёл для себя необременительным оплачивать, как тогда говорили, «висячую должность». А у меня появилась возможность через раз ездить в типографию, спокойно планировать номера.

Но такое счастье случилось далеко не сразу. Не таким уж я был простофилей. Успел кое-что повидать в жизни. Однако с ватагой ненадёжных сотрудников столкнулся впервые. Поговоришь, проверишь заданием, вторым — вроде нужный кадр. Сдержаться неделю-другую, пока в кармане шаром покати, ещё может. А как впряжётся в упряжку — так и начинается. Доходило до того, что номер мне приходилось планировать и подправлять на ходу в двух-трёх, а то и в четырёх вариантах. Никогда не знал, дойдёт ли мой порученец до бригады, застанет её на месте или решит подождать до конца

смены. И опять вопрос на вопрос — напишет или не напишет? А если напишет — то о чём?

В конце концов, понял: нужно самому выращивать литсотрудников. Из рабкоров. Так появился Женя Трубин, фельдшер по образованию и педагог по горизонтам. У жены, окончившей педвуз, Женя явно был репетитором. Плюс природное умение обращаться со словом, чувствовать его. Немного расхотелись с ним в пристрастиях. Он чумел от шлягеров Пугачёвой. И мечтал о работе проводником в поезде, о постоянных встречах с новыми людьми, и пейзажами за окном.

Спустя полгода и он начал срывать, уходить в запои. Сейчас-то, после того, как в течение четверти века работал над текстами врача, лечившего больных детским церебральным параличом, понимаю, Жене жилось не сладко. Ежедневный ад на дому. Ребёнку перевалило за семь лет, а он не отличим от овоща. Я всерьёз обижался на срывы Жени. В конце концов, вынужден был его уволить. Правда, в некотором роде повинился, когда вернулся в Ковдор, в конце восьмидесятых. Тогдашний директор ГОКа В. Ляхов спросил, можно ли Трубину доверить многотиражку? Я от души порекомендовал. Женя воспрял, но опять ненадолго. До очередного запоя.

Крепился я, крепился и вынужденно пришёл к выводу, что непьющая женщина в редакции надёжнее мужика. Постепенно коллектив нарастили сотрудницы, например, Татьяна Сапронова. Отлично писал интеллигент Саша Збарский. Но основное пополнение шло за счёт женщин. Стала настоящим газетчиком Наиля Ганиева, приехавшая на рудник сварщиком, купившая на первую зарплату фотоаппарат, и на всю жизнь породнившаяся с фотографией. Своих бывших выдвиженцев встретил потом в районной газете, когда вернулся в Ковдор. Не на начальственных должностях — в качестве основной тягловой силы. Что и подтвердило соревнование между сотрудниками. Больше всего строк выдавали бывшие кадры «Рудного Ковдора». И получали премии из сэкономленного редакционного фонда газеты.

К 1974 году, когда стартовала Ударная Всесоюзная комсомольская стройка по расширению мощностей Ковдорского ГОКа, редакция более-менее сложилась в боеспособный коллектив. В газете появилась вторая полоса под шапкой «Даёшь АБОФ!». Думаю и уверен, интонации, одолженные в революционном прошлом страны, пришлись, как нельзя, к месту. За строительной полосой закрепил постоянного сотрудника, получавшего зарплату в тресте «Ковдорстрой». Удалось добиться материального участия в выпуске «Рудного Ковдора» и со стороны руководства «Ковдорслюды».

Газета фактически выполняла функции районки. Выходила раз в неделю на четырёх полосах, спаренными номерами. Помещала до сорока материалов на местные темы. Специально подсчитывал — на всех двенадцати еженедельных полосах «Киевского рабочего», «Знамени пятилетки» и даже «Кандалакшского коммуниста» количество местных материалов до сорока не дотягивало.

Сотрудники ГОКа, составлявшие большинство подписчиков, поначалу кривились: «Раскроешь газету, а там Дробот Дроботом погоняет» (фамилия известного бригадира строителей). Благодаря строительной полосе я ближе познакомился со средним звеном треста, в частности, с бессменным начальником СМУ—1 Витей Попытайленко. К писанию материалов в газету привлечь его не получилось, но информация от него исходила проверенная и полная. И руководителям студенческого десанта он помогал наводить с нами контакты.

Не смогу точно определить, когда в «Рудный Ковдор» поверили читатели. Те самые, что по настойчивой редакционной подсказке, а потом и по собственному порыву, стали прибегать к помощи многотиражной трибуны. Говорю о передовиках из передовиков, каковым было доверено представлять мнение Ковдора в Апатитах и в Мурманске. О членах Кировского горкома партии и членах Мурманского обкома, депутатах районного, городского и областных советов, прочих официальных активистах.

Они убедились, что их голос со страниц многотиражки быстрее услышат, кому следует. Аппарат горкома или обкома когда ещё развернётся и отправит запрос, а из редакции в заинтересованные органы тут же полетит официальная бумага. Да ещё напомним и раз, и два... Так случилось, например, со второй программой мурманского телевидения. Многие годы Мурманск крутил лишь Первую московскую программу из Останкино. Потом для жителей областного центра включили вторую, местную программу. С квинтэссенцией в виде кинофильма. Без шума, по решению соответствующих органов, её распространили на Никель и Заполярный. Дабы тамошние жители не увлекались норвежскими и финскими телепередачами.

По области пошли разговоры типа: «А чем мы хуже? Почему у нас одна программа, а у них — сразу две?». Первым озвучил этот краеугольный вопрос «Рудный Ковдор». Подписал заметку орденосный машинист экскаватора рудника «Железный». Ответ из областного управления связи опубликовала опять же ковдорская многотиражка. Вторая программа Мурманского телевидения начала своё победное шествие по области с дальнего Ковдора... Этот факт, а не реклама, поднял тираж газеты куда быстрее и основательней, чем все остальные выступления, вместе взятые.

Читатели убедились, что их письмо — независимо от того, напечатано оно на страницах «Рудного Ковдора» или нет — обязательно достигнет до начальства. Самый непробиваемый чиновник обязательно ответит газете. К концу года я стал подумывать о введении специальной ставки заведующего отделом писем. Не выветрились ещё впечатления от соревнования в Киеве двух соседних редакций детских газет — украино- и русскоязычной: кто больше получит почты и у кого, соответственно, будет больше сотрудников в отделе писем. По моим подсчётам количество обращений в газету хватало бы для открытия целевой ставки. Да многотиражкам такая привилегия не положена по штату.

Прежде не задумывался, но наверно — это закон. Наши шаги в профессии, так или иначе, подсказаны советами наших учителей. Неважно,

облечёнными в рекомендации или просто их жизненным опытом. Моё внимание к воспоминаниям ветеранов на страницах «Рудного Ковдора» возникло не само по себе. Конечно, молодой город, от роду меньше пятнадцати лет, располагал и предполагал. Ожил перед глазами пример профессионального газетчика, ответственного секретаря Краснодарской районной газеты «Социалистическая родина» (выходившей в том самом Краснодаре) Эдуарда Ершова.

Познакомился с ним зимой 1954 года, во время техникумовской преддипломной практики. Публиковал ли этот недавний выпускник факультета журналистики Харьковского университета (в Киев факультет перевели позднее) мои стихи или заметки — не помню. А доброе отношение, вплоть до попыток рассчитаться за меня, студента, за обед в столовой не выветрилось. Побывал в его комнатке, в одной из краснодонских «шанхайчиков». С двумя кроватями. Невеста Эдика заканчивала филологический факультет университета, украинское отделение. В следующем учебном году она стала первым преподавателем украинского языка в городе. А газета ещё долгое время выходила на русском.

Тогда гремел роман А. Фадеева «Молодая гвардия». И фильм, снятый на его основе. В день приезда в Краснодар мы ночевали на столах в тресте «Краснодонуголь». Фронтвики, а они составляли добрую половину группы («горная» стипендия привлекала) определили, что от слухового окна в школе до здания треста — свыше полусотни метров. Никакой чемпион, даже актёр Гурзо, игравший в фильме Сергея Тюленина, на такой рекорд не способен. В двух залах тогдашнего музея бросались в глаза нестыковки с романом.

Не исключено, от первых экспонатов музея краснодонцев мало что осталось. Сочинения Юлии Громовой, видимо, сохранились, а вот огурец, выращенный Ваней Земнуховым в бутылке, вряд ли... И пальтишко Серёжи Тюленина грозило под стеклянным футляром вот-вот рассыпаться... Ответственный секретарь постоянно публиковал воспоминания участников «Молодой гвардии». Не только тех, кто стал обязательным гостем на мероприятиях областного, республиканского и всесоюзного масштаба.

Через какое-то время Эдик, уроженец Баку, покинул газету и возглавил музей молодогвардейцев. Свидетелься с ним в этой должности, пообщаться не довелось. Знаю лишь, что его дочь стала журналисткой и работала в Луганске.

Уверен, можно говорить о заочном вкладе в историю Ковдора директора музея из Краснодона. У меня в подкорке отложилась мысль, что люди, так или иначе причастные к возникновению населённого пункта у озера Ковдор, порадуются каждому слову, зафиксировавшему события минувших лет. К сожалению, свидетелей прибытия первого поезда, а его собирались торжественно отметить 22 июня 1941 года, найти не удалось. Не получилось пообщаться с людьми, разбиравшими для нужд фронта свежеложенные рельсы.

С первостроителями повезло больше. Отряд заключённых, строивших вдоль берега полуострова железную дорогу, привезли весной 1953-го в

Пинозеро. Расконвоированные составили первый слой ковдорской интеллигенции. Среди них — историограф строителей Александр Васильевич Косарчук, один из немногих первопроходцев, кого получилось убедить засесть за воспоминания. «Рудный Ковдор» публиковал их из номера в номер несколько лет подряд. Ещё для «Ковдорчанина» осталось.

А факты привёл он, какие факты! Перед глазами танцы в первом капитальном здании посёлка — Доме культуры. Вижу аккуратные трубочки обоев на полу жилого дома, их накануне наклеили на стены. Или скандал в профкоме строителей? Вечером наиболее отличившимся вручили ордера на квартиры в доме со всеми удобствами. Утром пришли толпой их жёны. Наотрез отказались от подарка:

— Что это такое! Не дом, а плацкартный вагон. И вода, и туалет, и тепло — всегда пожалуйста! Если мужику не надо дров наколоть, печи натопить и воды принести, он от безделья сопьётся!

Благодаря примеру Косарчука удалось со временем убедить засесть за бумагу минералога Ольгу Михайловну Римскую-Корсакову. А перед самым развалом страны — многолетнего директора ГОКа Алексея Ивановича Сухачева. Не скрою, труднее было общаться с людьми, не привыкшими излагать мысли с помощью ручки. А куча текущих дел плюс расширение Ковдорского ГОКа не оставляло ни у редактора, ни у его сотрудников свободного времени. Я, например, всё откладывал интервью с первостроительницей Тамарой Давыдовной Цхакая. Владелицей одной из лучших домашних библиотек. Ковдор — второй в её судьбе «голубой город». Первым был, знаменитый в начале тридцатых Комсомольск-на-Амуре. Тамара Давыдовна несколько лет состояла в труппе театра Мейерхольда, играла в спектаклях. Достоянная представительница древнего рода, урождённая княжна Дадиани. Вышла замуж за родственника деятеля революции Миши Цхакая. И значительную часть своей жизни провела на каторге.

Один из буровых мастеров рудника «Железный» закончил войну капитаном, командиром батальона. После Победы сел на джип, взял с собой двух автоматчиков и покатался по Европе. Когда вернулся — его вызвали в СМЕРШ. Даром, что грудь в орденах, тут же припомнили, что он сын кулака. И прощай свобода. Имели чем поделиться с читателями и молодые ковдорчане. Это они нашли в окрестностях советский самолёт, совершивший вынужденную посадку в мае 1945 года. Они же обнаружили несколько колонн сгоревших полуторок, что так и не довели до фронта боеприпасы...

В современном здании музея Ковдора не был и вряд ли удастся побывать. Но твёрдо знаю, что добрая часть его экспонатов сначала была опубликована на страницах «Рудного Ковдора». В удобоваримом для чтения виде. Туда же отнёс оригиналы воспоминаний, в том числе очерки О.М. Римской-Корсаковой...

Насколько знаю, Александр Васильевич Косарчук — первый и единственный автор «Рудного Ковдора», удостоенный звания «Почётный гражданин города». За публикации в многотиражной газете. Ему вручили

специальную Грамоту и удостоверение, дававшее право безбилетного проезда в единственном коммунальном автобусе Ковдора — на вокзал и обратно. Этой привилегией Почётный гражданин ни разу не воспользовался, считал неудобным.

Ольга Михайловна Римская-Корсакова достойна того, чтобы о ней хоть вкратце, рассказать отдельно. Она — внучка гениального композитора. Среди геологов пользовалась особым авторитетом. По профессиональной причине. Кандидат минералогических наук, О.М. провела в Ковдоре после войны 25 полевых сезонов. Даже кличку лошади командира заставы не забыла. Разумеется — блокадница! — поминала добрым словом кишевшую в озере Ковдор рыбу и «умопомрачительное лакомство» — так и написала! — банку варёной сгущёнки. Супруг Ольги Михайловны, тоже известный в научных кругах учёный, погиб в блокаду или сразу после войны. Он был представителем не менее известного в России рода — Флоренских. Ольга Михайловна воспитала двух дочерей.

Кольский полуостров входил, да и входит, в ареал забот Ленинградского университета. Потому в семидесятых-восьмидесятых чуть ли не каждый второй минералог геолого-разведывательных партий или горно-обогатительных комбинатов Мурманской области — воспитанники Ольги Михайловны. Для иных она была наставницей ещё со школьных лет — вела в Ленинградском дворце пионеров минералогический кружок.

Как потом уразумел, Ольга Михайловна изменила правилу не общаться с журналистами и вняла моей просьбе писать для «Рудного Ковдора» по той простой причине, что жила в Ленинграде на... ул. Маклина. Был, говорят, в Британии такой коммунист. О.М. Римская-Корсакова умерла в конце восьмидесятых. Как-то на сессии горсовета, уже в постперестроечный период, я предложил одну из улиц Ковдора назвать её именем. Идея на сессии не нашла сторонников. Насколько мне известно, потом — тоже.

МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ

Невольными агитаторами за подписку на «Рудный Ковдор» стали учителя русского языка. Газету почтальоны приносили почти в каждую квартиру, грех было не воспользоваться таким подспорьем в домашних заданиях по русскому языку.

Подбор кадров я пытался начинать с чувства слова, с умения писать образно и внятно. Проверял абитуриентов на журнале «Химия и жизнь». Он выходил в свет под эгидой Академии наук СССР и умудрялся о техницизмах — химия и химическая промышленность — писать так, что чуть ли не каждый очерк или заметку, не говоря уже о переписке с читателями, хотелось декламировать вслух. Получать эстетическое удовольствие. Как от хороших стихов.

Имелась ещё одна особенность, на какую учителя не могли не обратить внимание. Газета старалась не игнорировать букву «Ё». Подобно учебникам для младших классов да издательствам для детей.

«Обозначено в меню, а в натуре нету» — эти строки из поэмы Александра Твардовского «Тёркин на том свете» вполне можно поставить эпиграфом к рассказу о седьмой букве русского алфавита. Сверился с Толковым словарём Даля, Толковым академическим четырёхтомником, с орфографическими словарями. После шестой буквы алфавита — «Е» сразу идёт восьмая буква «Ж». Седьмая «Ё» лишена самостоятельной жилплощади. Или, как говаривали в оные времена, прописки. Скромно арендует площади у своей родственницы без точек на голове.

На рубеже восьмидесятых, в период, когда тираж «Рудного Ковдора» достиг максимума, в «Литературной газете» и в прочих уважаемых изданиях вспыхивали дискуссии по поводу вопиющей дискриминации «Ё». Ревнителю языка в ранге академиков, профессоров и доцентов не жалели красок, доказывая, как важна отверженная буква (внедрённая первым президентом Российской Академии, княгиней Екатериной Дашковой) для понимания смысла написанного. Иначе глазом не успеем моргнуть, как докатимся до уровня языков, на которых пишется одно, произносится другое, а понимается вообще третье...

После всплеска дебатов гонимая буква появлялась в книгах для среднего школьного возраста, но и только. Личный пример инициатора дискуссии — «Литературки» — постепенно выдыхался и буква-великомученица вновь исчезала с её страниц. Даже в статьях, в защиту «Ё».

А чего было копыта ломать? Ларчик просто открывался. Без малого целый век отечественная полиграфия держалась на строкоотливной машине, на линоTYPE. На аппарате, что заменил ручной набор Гуттенберга и первопечатника Фёдорова. Производительность строкоотливной машины колебалась от 150 до 700 знаков в минуту.

Линотипы разработали в Германии в расчёте на латинский шрифт. В нём всего-то 28 букв. А в кириллице после нескольких сокращений всё равно осталось 33 буквы. Любой первоклассник подтвердит. Каждая добавочная буква требует дополнительной дорожки для матрицы, утяжеляет и усложняет механизм. Потому отечественные умельцы убрали из клавиатуры редко употребляемые знаки, в их числе букву «Ё». Вынесли их на полочку сбоку. Ради «Ё» линоTYPEсту приходилось отвлекаться от клавиатуры, брать матрицу из каретки, вставлять в строку... И лишнее время, и утрата ритма. Кому охота на сдельщине постоянно спотыкаться и терять в зарплате?

Знаю лишь одно исключение и звать его Машей, кличка — Блин. Уж простите, так в глаза и за глаза величали линоTYPEстку из Кандалакши М. П. Коновалову. Всем асам ас! Маша умудрялась в строку на два квадрата с четвертью вгонять до 27 знаков убористого шрифта под названием «рублёный». После неё запятую не вставишь, не то что букву. С Коноваловой у нас сложились прочные деловые отношения. Как-то я заслал материал на

четыре с половиной и посчитал, что должно получиться четыреста с чем-то строк. То ли отчёт с выборов, то ли ещё что-то официальное. Маша не поленилась, приложила строкомер к набору. Оказалось, я ошибся всего на одну строку. С той поры до самого прощания с Кандалакшей свой привычный негативный возглас «Эх, блин!» Маша в адрес «Рудного Ковдора» и его редактора не применяла. Одаривала исключительно улыбками.

Порох дискуссии постоянно сырел. Линотипистам бюджет собственных семей оказывался ближе. Споры тихо сходили на нет. О чём думали создатели полиграфических машин — не знаю. Гонимая буква так и не появилась на клавиатуре самых популярных в СССР линотипах под названием «Россия».

Давно вроде всё стало на свои места. На клавиатуре компьютеров «Ё» имеется. Однако не используется. Потому читателю приходится самостоятельно отличать местоимение «все» от наречия «всё». И думать при этом: «Неужто инвалида, постоянно хромающего на седьмую букву своего алфавита, кто-то назвал Великим и Могучим? Не иначе, безграмотный чудак!».

Справедливости ради, отмечу, что в «Рудном Ковдоре» порой было не до буквы «Ё». Насущных забот хватало. Рабочие будни далеко не всегда подобны железнодорожной колее или асфальтовому шоссе.

Ковдорская многотиражка была для типографии «Кандалакшского коммуниста» — добавочной нагрузкой. На стандартных бланках для предприятий можно заработать больше денег. С меньшими затратами труда.

А я с первых месяцев взял курс на переход с пятиколонной вёрстки (ширина 2 квадрата и три четверти) на шестиколонную (размер строки — 2 квадрата с четвертью). Шестиколонник почти вдвое увеличивал возможности размещения материалов и увеличивал нагрузку на верстальщика. Линеек между колонками больше, а каждый стык надо подгонять отдельно. И не забыть крепко-накрепко зажать полосу, иначе при плоской печати набор грозит рассыпаться.

Это потом, после тиража в 5 тысяч экземпляров, директор типографии Спиров (возглавлявший до Разина тамошнюю газету) перевёл «Рудный Ковдор» на ротационную печать. На что ушли годы. У ротационной печати — свои заморочки: легко перепутать полосы местами. В чём однажды убедился, когда раскрыл свежий номер. Правда, читатели на типографский ляп внимания не обратили.

И всё же, и всё же, никто из полиграфистов не отказывался работать на «Рудном Ковдоре». Из-за девяти строк полужирной нонпарели, помещённых в конце каждого номера. По примеру списка киногруппы, работавшей над созданием фильма.

Каждый раз перечислял пофамильно рабочих типографии, отливавших строки на линотипе, верставших полосы за талером, нарезавших клише, печатавших... Если по-честному, вклад полиграфистов сопоставим с продукцией творческих сотрудников, штатных и внештатных. Пусть в Ковдоре

фамилии кандалакшских полиграфистов мало что говорили, зато исполнителям было приятно. Моральный фактор действовал безотказно.

Линотипистки встречали поздними вечером поезд из Ковдора, забирали из почтового вагона очередную порцию материалов. Маленькая районная типография, а других в райцентрах не держали, была не в состоянии за один вечер и утро переварить набор четырёх полос. Приходилось, начиная с понедельника, возить пакеты на вокзал и бросать их в прорезь почтового вагона.

Эти пакеты в некотором роде иллюстрируют отношение к газете со стороны не самого крупного в Ковдоре коллектива железнодорожников. Да, к 15.30, к последнему автобусу, надо было приготовить конверт. В противном случае приходилось брать ситуацию в свои руки. Ибо на пробежаться пешком времени не оставалось. В отличие от сотрудников мне было легче остановить попутку. Меня знали в лицо.

Но все эти услуги грозили оказаться напрасными, если бы пригородный поезд отправился вовремя, в 16.00. Вопреки любимой шутке начальника вокзала Яблонского: «Девиз железнодорожников: «Все поезда отправлять досрочно!» — он бывало (или дежурный) задерживали отправку на 10–15 минут. Не было случая, чтобы просьбу редакции проигнорировали.

Необходимость заранее засылать набор в Кандалакшу возникла, когда мы перешли (в связи с ударной стройкой) на выпуск спаренных номеров. По правилам мы имели право выпускать лишь двухполоску. Газетчики меня поймут: сильно ли разбежишься, если в твоём распоряжении всего две полосы — первая и последняя. Сработала чисто техническая причина для поблажки — типография за сто километров. С 1974 года «Рудный» стал выходить спаренными, на четырёх полосах, номерами. Так что фраза о всех четырёх полосах, которой впоследствии озаглавил книгу мемуаров, в общем-то несколько нелегальна.

Кстати, позднее, в Умбе, где малоформатной районной газете полагалось выходить три раза в неделю на двух полосах, я сделал для субботнего номера исключение — преобразовал его в миниатюрную четырёхполоску на манер популярного в те годы еженедельника «Футбол». Разумеется, без ущерба для количества материалов, ибо сам себе был владыкой — и редактор, и директор типографии в одном лице. Предварительно позаботился об оснащении линотипов более ёмким, «рубленным», шрифтом. Разворот порой шёл сплошняком, без пробела посерединке. Так что и тут придраться к нам не было формальных поводов.

Надо бы отдельно поговорить о заголовках. О тех самых, о которых в записной книжке Ильфа сказано «Редактор в ужасе схватился за заголовок» ... Порой удавалось втиснуть в него содержание заметки. Например, о работе кружков самодеятельности в Доме культуры: «Не слышны в ДК даже шорохи...». Или о том, что в отделе рабочего снабжения комбината не позаботились об утеплении картофелехранилища: «У картофеля мундир не на

меху». Или о нарождающейся угрозе городу: «Кому подвластно стадо гаражей?».

Не знаю, получалось или нет, но всегда старался, чтоб один-два заголовка в номере привлекли внимание, возбудили ассоциации, просто вызвали улыбку. Или, возмущение. Например: «КрАЗ! И нет газона...». Порой на поиски запоминающегося заголовка уходило больше времени, чем на написание самой статьи. Но честное слово, затраты труда стоили результата. Заметку под бросающимися в глаза двумя-тремя словами, набранными большим кеглем, обязательно заметят и прочтут.

Братся приходилось за многое. В том числе за неположенное по штату, просто не профильное. В отличие от многотиражки строителей в Апатитах или печатного органа Севморпути «Арктическая звезда» «Рудный Ковдор» был со дня основания единственной газетой в городе и окрестностях. Потому занимался не только организацией конкурса стенных газет к Дню печати. Впрочем, его никто не приказывал нам проводить. Мы преследовали свою корыстную цель — выискивали потенциальных авторов.

Не имелось в городе и объединённого спортивного начальства. Три кита — КГОК, ГОК «Ковдорслюда» и трест «Ковдорстрой» — плюс более мелкие организации распределили между собой обязанности. Кто отвечал за освещённую трассу для лыжников, кто озаботился хоккейными площадками и стадионом, кто организовывал во дворе школы площадку с полосой препятствий из отслуживших своё шин. Основной тягловой силой выступал Ковдорский ГОК.

Во второй школе, находившейся под патронатом «Ковдорслюды», появился энтузиаст-физрук, приспособил спортзал для игр в мини-футбол. Ещё более мини, чем на всесоюзных первенствах. Игроков на площадке — трое, ворота — хоккейные, но с приваренной внизу перекладиной. Чтобы нельзя было закатить мяч, только забить. Вскоре игра захватила и увлекла родителей школьников. В неё включились почти все цеха КГОКа. Благо физрук, Владимир Николаевич Нерода, привечал всех и проводил в спортзале оба выходных. Взвалил на себя обязанность главного судьи.

В первый же год количество команд перевалило за десяток, а там пришлось организовать вторую и третью лиги. Столько желающих. Всё тёмное время года самая активная мужская половина населения города гоняла мяч. Редакции ничего не оставалось, как возглавить хорошее дело. Дать первенству своё имя, регулярно помещать репортажи. С раздачей на финише сезона призов и грамот участникам. Призы поставляли профкомитеты предприятий, а грамоты «Рудного Ковдора» — вклад редакции. Многотиражка дала своё имя также лыжным и прочим соревнованиям в городе.

Постепенно ковдорчане привыкли черпать необходимую информацию в многотиражке — от летнего расписания поездов из Кандалакши до графика работы ковдорских магазинов. Вплоть до дня перехода на зимнее и летнее время включительно. Всё это требовало от сотрудников редакции определённых усилий, но и отдача в виде подписки постоянно сказывалась.

Не знаю, полагалось ли, многотиражке — печатному варианту стенгазеты — взимать деньги за рекламу. Да и ОРС, то бишь отдел рабочего снабжения, был не самостоятельной организацией, а своего рода отделом Ковдорского ГОКа. Требовать оплату за услуги с подразделений материнского предприятия — это уже слишком. Редакция обзванивала магазины совсем с другой целью: дабы сообщить читателям полезную информацию: насколько перед праздником продлена работа торговых заведений. Заголовок к рекламе о том же говорил: «Торопись успеть!».

Линию заботы о читателях попытался было проводить в районной газете, в «Терском коммунисте». Большинство жило у самого Белого моря. Подумалось, им очень важно знать расписание приливов и отливов. В размышлении рыбалки. Назавтра — строгая выволочка по телефону от главы инспекции рыбнадзора. Вскоре сам ответственный товарищ прибыл собственной персоной. Нет, не для того, чтобы познакомиться и лично пожать руку. На разного рода районных активах мы без того встречались. Прибыл, чтобы лично пресечь потакание браконьерам, которые без того прекрасно знают, когда рыба, то бишь сёмга, заходит на пресницу, в устье рек Умба и Варзуга, а когда не торопится.

Сыграли свою роль всякие конкурсы. Например, словотворчество дошкольников. До сих пор улыбаюсь находкам маленьких ковдорчан. Один из них назвал ураганный ветер «враганом», а второй перечислил три самых важных города страны: «Кандалакша, Москва, в Отпуск».

Многие авторы «Рудного Ковдора» той поры были людьми примерно одного возраста. Или чуток младше меня. Одинаково реагировали на наследство Ильфа и Петрова, сходу понимали, почему заметка о ситуации в Доме культуры помещена под заголовком «Отдых не вытанцовывается», отчего «Семь бед — один обед» и что «Топтобусом» быстрее». Или ситуация, когда «Точка есть, а опоры — нету». И что далеко не уедешь, если мчишься «Вперёд на всех... тормозах».

С иными из постоянных авторов газеты, с геологом Колей Голиковым, мы сходились даже в пристрастиях. Он знал наизусть стихи Михаила Светлова. В студенческие годы играл главного героя по имени «Налево-Направо» в романтической пьесе Михал-Аркадьевича. Пусть основная масса читателей газеты такими мелочами не заморачивалась, но люди вольно или невольно, всегда прислушиваются к мнению тех, кого уважают. Одна история с Виктором Попытайленко чего стоила. В Апатитах председатель парткомиссии требовал от него покаяния: начальник СМУ не закопал с мусором бракованные железобетонные плиты, а продал их по остаточной стоимости сотрудникам. Председатель наседали и наседали. В конце концов, Витя не выдержал, кинул на стол кандидатскую карточку и сказал:

— Я с этим человеком не могу быть в одной партии, с ним рядом дышать нечем!

Спустя несколько дней Попытайленко — дважды орденоносец за успехи на стройках ГОКа — сдавал дела новому начальнику СМУ. Перешёл в рядовые бетонщики...

В отличие от пятидесятитысячного (уже можно раскрыть тайну киевского «почтового ящика») «Арсенала» профком Ковдорского ГОКа не располагал большими финансовыми возможностями. Не мог даже субсидировать поездку отличившихся рабкоров на воскресенье в «Рубиновое» — на базу отдыха «Ковдорстроя». Но какие-то средства всё же выделял. Потому в 1978-м удалось с помощью кандалакшских умельцев выгравировать партию значков, посвящённых тысячному номеру «Рудного Ковдора». В городе, где не имелось никаких местных реликвий, это было весомое отличие.

Бухгалтерия ГОКа оплачивала дополнительные счета за переплёт 20–25 годовых подшивок многотиражки. Ими мы награждали наиболее активных рабкоров. Вдобавок к грамотам, благодарностям в газете и такое прочее. В сравнении с гонорарными возможностями районных газет вроде мизер, а всё-таки — память. Насколько знаю, она передаётся в наследие уже третьему-четвёртому поколению ковдорчан.

На исходе семидесятых популярности многотиражке добавила газетная кампания за организацию общества садоводов. Про безвозмездную передачу в собственность гектаров тогда никто не мечтал, но садово-огородные участки — по шесть соток на брата с мини-хатой посерединке — уже появлялись в стране. Подтолкнуло отсутствие в магазинах ОРСа картофеля. В стране неурожай, польские клубни помёрзли в пути.

Поделились опытом читатели из посёлков слюдодобытчиков. Они давно и успешно выращивали клубнику. Если удавалось добыть машину навоза, то и картошку. Не говоря уж о парниках с огурцами и помидорами. Из номера в номер, в качестве нелобовой агитации, мы публиковали их заметки. Нашли старожилов, которые рассказали, что заключённые, строившие до войны железную дорогу из Пинозера до Ковдора, обеспечивали себя картофелем и капустой с репой. Овощами, которые русские поселенцы, обжившие южный берег Кольского полуострова, извечно выращивали. Поморы завозили из Архангельска только рожь. В обмен на сёмгу. Выходцы с Терского берега, а их среди ковдорчан много, отозвались на приглашение повспоминать и даже поделились большим секретом: в Варзуге свиноголовье откармливают сцеженным молоком. Поскольку вывозить молочные продукты — себе дороже. Из-за отсутствия дорог.

Откликнулись в профкоме комбината, одобрили инициативу начальника ЖЭКа Льва Саркисова. Он проект устава общества садоводов набросал и придумал название — «Надежда». Инициативу ковдорчан вскоре поддержали жители Мончегорска, Мурманска и Кандалакши, запросили для ознакомления проекты устава «Надежды». Вокруг промышленных центров полуострова повозникали садово-огородные участки. Нынче более половины ранних овощей область выращивает самостоятельно.

Но в туманную даль Кировский горком партии не заглядывал. Зато год за годом отмечал падение числа подписчиков «Кировского рабочего» в Ковдоре и его пригородах. В конце концов, количество их снизилось до неприличной цифры, равнозначной численности секретарей первичных партийных организаций крупных цехов, участков и управлений.

Горком, в лице его секретаря по идеологии, принял меры, постановил заслушать на заседании отдела отчёт редактора ковдорской многотиражки. Поначалу хотели «решить вопрос» тихо-мирно — просто заменить редактора. По такому случаю вызвали в Апатиты сотрудницу «Рудного Ковдора», члена партии и журналистку по образованию, предложили женщине возглавить «отстающий участок». И так убеждали, и эдак. Но Татьяна Сапронова наотрез отказалась, сказала, что у неё на руках маленький ребёнок.

Идеологи ввели в бой тяжёлое оружие — в лице заместителя редактора «Кировского рабочего» Шиганова. Уж он расстарался. Часа полтора доказывал, что многотиражка разбазаривает дорогую газетную площадь, постоянно публикует необязательные материалы в ущерб необходимым. Мало того! Газета потакает частнособственническим инстинктам, ратует за огородничество в ущерб субботникам по озеленению города... Воскликнул:

— Разве газета имеет право называться партийной, когда она о каких-то огородах пишет чаще и больше, чем о партийной учёбе!

Спасибо Сапроновой, я успел подготовиться к спорам-разговорам. Отпарировал цифрой. За прошедшие полгода газета опубликовала 29 материалов о садоводах. Но и Шиганов даром времени не терял. Он согласился с цифрой 29. Но подчеркнул, что партийной учёбе отведено меньше места...

— Сколько?

— Всего 28 материалов...

Не знаю, чем бы закончилась та история, если бы на заседание отдела пропаганды Кировского горкома партии не приехал заведующий сектором печати Мурманского обкома Константин Владимирович Полтев. Как и почему — не знаю, но приехал. Молча сидел, слова не сказал. И дело спустили на тормозах, ограничились обсуждением без всяких последствий.

Ответственный рецензент Шиганов спустя годы среди первых переориентировался. Постригся в демократы. Обслуживал апатитского выдвигенца Оболенского, поставил на Полозкова, затем на Ельцина. Извлёк реальную пользу из своих колебаний. Дорос до главного редактора «Вечернего Мурманска».

БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

На закате брежневского застоя, на рубеже восьмидесятых, реформы в стране оказывались успешными в случае, если они устраивали местных начальников. Партхозактив Ковдора и пригородов радостно вздохнул, когда область озвучила решение о выделении из пригородной зоны Кировска Ковдора с прилегающими посёлками. Наконец-то отпадёт необходимость по несколько раз в год мотаться по бездорожью в Апатиты на разного рода совещания-заседания. Район перестанет быть для метрополии добавочной нагрузкой при распределении бюджетных благ по остаточному признаку.

Большинство цехов ГОКа, подразделений и организаций города держали легковые «козлы-вездеходы» исключительно на случай поездок в Апатиты. В такие дни в карьере рудника «Железный» для служебных надобностей ездили на БелАЗах и прочей большегрузной технике.

С первых же шагов становления райкома, разместившегося поначалу в учебном комбинате КГОКа, ощутил внимание к своей персоне. Многими материальными ценностями ведущее предприятие города поделилось с заглавной конторой. Заминка вышла с кадрами секретарей и зав. отделов. Знаю пять или шесть человек, кому настойчиво предлагали партийные ступени для быстрого роста. Но работники ГОКа, в отличие, скажем, от «Ковдорслюды», наотрез отказались. Дескать, мы рядовые и необученные, нам сложно порвать с привычными обязанностями. Свято место пусто не бывает, секретарей быстро подобрали в области из комсомольских переростков, а вакантные места завотделов заполнили слюдодобытчики.

Вначале своей тонкой шкурой зафиксировали перемены интеллигентно-книголюбыв. Они, видите ли, привыкли узнавать о подписке на многотомные издания, о поступлении новой партии книг — в книжном магазине. Теперь — фиги! Руководящая и направляющая власть в лице райкома прибрала к рукам стихийный книжный рынок, утвердила руководителя общества книголюбов и через него принялась курировать. Например, «рекомендовать» кому продать новый однотомный Энциклопедический словарь, а кто подождёт. Я сие пособие привёз из Мурманска...

Покупал обычно книги, которые откроешь больше одного раза — поэзию, справочники, близких по духу писателей. Позднее, уже в Умбе, окончательно уяснил возможности начальников, причастных к распределению книг. Детективы и прочее чтиво, развивающее не самые уважаемые черты в поведении людей, выдавались строго по ранжиру. Сначала «правом первой ночи» пользовался прокурор и заведующие отделами райкома, потом сотрудники райисполкома и милиции. Что оставалось — поступало в продажу.

Несколько раз меня приглашали на второй этаж бывшего учебного комбината ГОКа. Настойчиво рекомендовали стать заместителем редактора районки — выпускника Ленинградской Высшей партийной школы Татура. Попытался отделаться шуткой из весёлой книги о физиках. Объяснял: «Кому — Татур, а кому — Лятор». Не помогло. Пришлось перейти на прямой текст. Дело

не в должности. Говорил, и повторю, что к редактору Разину в «Кандалакшский коммунист» готов пойти хоть рядовым литсотрудником. Или в отдел «Полярки» к Люде Павловой. Но быть замом у человека, который в газете смыслит, как баран в апельсинах — увольте! Из-за подобных перспектив вынужден был уехать из города, где родился, и где обитали пять поколений моих предков. Из Киева.

На Севере глотнул свежего воздуха. Оказаться снова в унижительном положении не мог и не хотел. Да и возраст не тот. Лет десять тому назад ещё хватало сил на убеждение и переубеждение дурака. А сейчас тратить впустую энергию, которая весьма нужна газете, не могу.

Райком можно понять. При всех потугах новой районке удалось достичь лишь планку подписки на «Кировский рабочий». А «Рудный Ковдор» опять отчитался перед директором ГОКа, что подписка (более 6000 экз.) целиком и полностью возместила плату за печать газеты, на остальные нужды немного осталось. Председатель профкома комбината тут же вставил шпильку, сказал, что годовая подписка не покрывает даже мою зарплату. Пришлось напомнить товарищу, что его зарплата в разы больше моей.

Райкому очень хотелось сделать «Знамя пятилетки» популярней «Рудного Ковдора». Замечу, кстати, что оба названия районной газеты — и прежнее, и нынешнее — принадлежат мне. Секретарь по идеологии попросил помочь придумать имя... Выдал штук тридцать. Не моя вина, что он выбрал самое дубовое да абстрактное. Название «Ковдорчанин» — тоже моих рук дело. Как-то с поэтом Львом Ошаниным, первостроителем Кировска, варьировали прилагательные от слова Ковдор. Образования по типу «оленегорец» резало ухо. Другое дело — «Ковдорчанин». Оно, к счастью, прижилось. И название, и определение жителя города — в одном слове.

Первые года полтора мы прожили с районной газетой довольно мирно. По наивности я порой считал, что мои советы — старожилы — могут пригодиться новому коллективу. По крайней мере редактору, поскольку он так желал видеть меня своим заместителем. Всё бы ничего в той должности, если бы не приложение через тире — «заведующий отделом партийной жизни». Чем эта жизнь отличается от обычной — до сих пор для меня есть тайна великая.

При случае поделился своими впечатлениями от печатного органа райкома с зав. отделом пропаганды. Знал эту даму ещё по работе директором Ёнской школы. Меня резанула заметка с перечислением фамилий наиболее талантливых учеников детской художественной школы — сплошь дети ответственных сотрудников райкома. И редактора газеты впридачу. Ковдор городок маленький, все друг друга знают. Информация о том, что с отпрысками начальников городу несказанно повезло, авторитета этим начальникам не прибавит. Зав. пропагандой внимательно выслушала меня, вскинула глаза и спросила:

— А как быть, если они действительно талантливы?

Больше я со своим мнением не вылезал. Не высывался даже, когда в Ковдоре, наконец, открыли типографию. Редактор районки заказал для неё шрифты на треть менее ёмкие, чем любимый мной «рубленный». То есть, на той же площади уместится меньше материала. «Рудному Ковдору», чтобы сохранить привычные для читателя сорок заметок на местные темы в номере, придётся перейти с четырёх на шесть полос... Попытка была вмешаться на стадии проекта. Дескать, зачем относить за город предприятие с выхлопами двух линотипов, когда сушка апатита и бадделеита дымят в окна домов и сей факт игнорируется санврачами... От меня, отмахнулись. Все годы, до перехода на компьютерную вёрстку, автомобиль районки три раза в неделю мотался между редакцией и типографией. Безлошадные многотиражники пешком месили грязь на дороге без тротуаров.

В «Полярную правду» по делам ГОКа и Ковдора писал редко. Она была ещё и органом облисполкома (следовательно, его отделов тоже). Здесь уж к эзоповому языку да намёкам прибегать бесполезно. В лучшем случае, сделают вид, что сие их не касается. А назвать факты в лоб — кто позволит?

На градообразующем предприятии — на Ковдорском ГОКе — лежала ответственность за развитие всей инфраструктуры Ковдора. Денег на жилфонд, детские ясли и школы, на приобретение оборудования водоочистных сооружений и пр., и пр. брать негде. Окромя прибыли ГОКа.

Другое дело — расширение предприятия. Под эту статью легче клянчить в министерстве фонды. Правда, головной кредитор и владелец — Министерство чёрной металлургии — со скрипом думало о развитии химии (апатит) и нужд приборостроения (бадделеит). Администрации комбината приходилось изворачиваться и выворачиваться наизнанку. А что делать? В первое, да и во второе десятилетие существования Ковдора, жители третьих-пятых этажей запасались холодной водой только после полуночи, когда счастливые обитатели нижних этажей отдыхали.

Свои интересы на ведомственные кредиты накладывали управления облисполкома. Не напрямую, зачем же? При согласовании того или иного объекта. Например, одну из очередей расширения ГОКа «нагрузили» хлебозаводом. Старой пекарни Ковдору вполне хватало, разве что ассортимент не баловал. Соответствующий отдел облисполкома вмешался и настоял. Пришлось чуть ли не половину целевого кредита закопать в стены да в оборудование. Они простаивали с первых же дней после торжественного пуска хлебозавода.

Написать о расточительстве в областную газету? Конечно, можно. Да кто поместит? Разве обратиться куда повыше. В «Известия»? В начале шестидесятых, при Аджубее, я там числился лауреатом. Спустя годы, моя фамилия уже ничего не значила. А если честно, то в многотиражке, потом в районке, никогда не хватало времени и сил для работы на сторону. Эпиграммы да стихотворные фельетоны, что приходили в голову на разного рода совещаниях — это тренаж, повод поразмышлять по дороге в редакцию и в поезде. Дабы поддерживать себя в форме.

Спустя годы, во время «второго пришествия» в Ковдор, облюбовал отдушину в виде журнала «ЭКО» — «Экономика промышленности». Журнал издавался в Новосибирске филиалом Академии наук и стал настольным пособием для директоров предприятий и прочих товарищей, занимавшихся делом. Туда можно было посылать материалы из своей маленькой газеты. На работу с редакцией журнала всё равно уходило от полугода до года. В ЭКО, кстати, удалось, наконец, придать гласности некоторые из подножек, которые ставили Ковдорскому ГОКу и его директору иные из настырных руководителей отделов Мурманского облисполкома.

В газете ложка хороша исключительно к обеду. А не когда информация простыла и покрылась плесенью. Оперативные сообщения с мест приветствуются на полосе свеженькими, из печки. Письма же по почте шли 3–4 дня. Собкоров, снабжённых необходимой техникой для передачи материалов, на все областные центры не напасёшься. Насколько знаю, лишь «Правда» имела в Мурманске постоянного нештатного корреспондента — заведующего партотделом «Полярки». Остальные центральные средства массовой информации время от времени удовлетворялись присылкой собственных корреспондентов.

(В скобках замечу, «Полярка» не могла себе позволить малейшего отступления от «генеральной линии». Иные из сатирических стихов даже не смел предлагать). Хотя бы такое восьмистишие:

***Застыла на изгибе губ
Улыбка Монны знаменитой.
Планета крутит хула-хуп,
Играя обручем орбиты,
Ракетой пишется прогресс,
Догоним и обгоним Штаты...
Земля сгоняет лишний вес
С моей урезанной зарплаты.***

После окончания университета долго пытался продолжать линию своего дипломного проекта (практического) — стихотворный фельетон в газете. Написал сотню фельетонов, а то и больше. Не считал. Хорошо освоил, что пройдёт, а что не очень. Прибегал к басням или иному не любовому варианту. Удачный на мой взгляд, фельетон — «Богословы» — пролежал лет пять до самой перестройки, пока редактор «Полярки» Н.В. Беляев, не взял на себя ответственность и не опубликовал «мелким почерком». В фельетоне речь всего-то о реабилитации в Ватикане людей, пострадавших от инквизиции. В уста кардинала вложил строки:

***В споре — да, костёр — не средство,
Но, Джордано, зря не зли,
Хочешь жить — умей вертеться!
Без отрыва от Земли.***

С намёками-полунамёками — понятно. Да юмором в «Полярке» ведал ответственный товарищ, который неусыпно бдил и усматривал «воду на чужую мельницу» даже в тех случаях, в которых официальная точка зрения была другого мнения. С трибун анонимки порицали, но «не для печати», они считались важным источником информации. Потому эпиграмму:

***Неизвестностью томим,
Ходит рядом аноним.
Истрадался, избоялся,
Ходит, как под батогом,
Чтобы я не догадался
И не вычислил его...***

и некоторые другие, подобные, в «Полярке» и не появились....

Бывало забывал об угрозах райкома, об обвинениях в намеренном принижении директивного органа. Но, как сказал хороший поэт, правда, имея в виду другую ситуацию — голубоглазую кельнершу и великого Гёте — «Но она об этом не забыла, хоть и знала пиво лишь да квас...». В доме, где жил, начались какие-то странности. Как появлюсь в парадном, соседки шушукаются и разбегаются. Окончательно выяснил, что к чему, спустя несколько лет, в Умбе. Случилось пообщаться с бывшим уполномоченным КГБ по Ковдорскому району, уже не капитаном, а майором Галкиным. Он и рассказал мне, что секретарь райкома по идеологии (комсомольская кличка Моль) действительно просил его заняться мной и выдать на меня зубодробильный компромат. Уполномоченный — вокруг ещё времена Андропова — мог себе позволить: послал секретаря куда подальше. Объяснил, что у него своей непосредственной работы выше головы. А начальник милиции взял под козырёк и спустил по инстанциям соответствующее указание.

Участковому приказали, участковый ответил есть. Приступил к выполнению на основании своего разумения и опыта. За неделю или за две, чтобы в глаза не бросаться, обошёл соседей в доме на Слюдяной, с первого по пятый этаж. И каждого, как бы между делом, спрашивал: не бью ли я в пьяном виде свою жену, не прихожу ли домой на бровях и такое прочее? Соседи, разумеется, рассказали жене о визите участкового. Жена ввела меня в курс уже в Киеве, куда летом 1982 года мы всё же уехали. Как считали, по причине того, что ребёнку в школу идти. Пусть поучится в столице.

Справедливости ради, поводы для недовольства коллегам из районки я время от времени подкидывал. Собственно, говоря, даже мой псевдоним — Я. Ковдорский или, что ещё смешнее, Яков Дорский — родом из той заочной полемики. Обычно подписывал материалы своей фамилией. Разве, чтоб не повторяться, прибегал к псевдониму, производному от имени-отчества. Или, пользуясь правом редактора, вёл свои рубрики типа «Диву даёшься!» без подписи, подобно авторам передовых статей в серьёзных газетах.

Обилие географических псевдонимов: Кольский, Карельский, Уральский — мест, откуда новая редакция поднабралась с миру по сосенке сотрудниками, вызывало, мягко говоря, улыбку. Псевдонимы разные, а кондовый канцелярский язык — под копирку. В конце декабря 1981 года я разразился в «Рудном» статьёй под названием «Гость редакции самодельный стихотворец Яков Дорский». Заставил вымышленного персонажа перевести на «псевдопартийный язык» хрестоматийные стихи Пушкина, Некрасова и Агнии Барто. Цитирую: «Вопрос про чудное мгновенье стоит на должной высоте...», «За сопкой был слышен топор дровосека, так вот где скрывается фронт их работ...», «Тише, Танечка, не вой, мы вопрос рассмотрим твой...». Подтекстовка под пейзажем недвусмысленно раскрывала розыгрыш. Её тоже приведу: «За деревьями, что растут в окрестностях города Ковдор, проложена лыжня, на которой имело место катание на лыжах стихотворца Дорского. В связи с тем, что в момент съёмки фотоаппарат находился в руках поэта, присутствие его в кадре не имеет места. Что, на взгляд редакции, пейзаж не омрачило».

Тучи сгущались. Ковдорская типография добавила трудностей. В Кандалакше, хоть в столовую в обед сходишь, а здесь — куда? Одни склады вокруг. С рабочими типографии — тоже свежённым кто откуда — трудно притирался. На почту поступило негласное указание вместо «Рудного Ковдора» подписывать, вроде по ошибке, «Знамя пятилетки».

Идеологам райкома надо было бы опасаться в первую очередь своей районной газеты. «Знамя пятилетки» постоянно вызывало у читателей если не отвращение, то недоверие. Хотя бы публикацией на четвёртый день «после того, как» (то есть в четверг) Призывов ЦК КПСС к праздникам, на площади в половину газетного номера. Оно конечно, материал со всех сторон идейно выдержанный, но давно пережёванный другими изданиями. Мало кто выписывал одну газету. Чаще три, пять, а то и все десять. И журналы. Не поднимала авторитета и программа телепередач, поскольку по чисто техническим причинам подавалась усечённой почти на два дня.

При всём опыте в юморе, фельетонах и эпиграммах, я не мог угнаться за перлами, которые время от времени выдавала районка. Иные из них портили райкомовцам жизнь до самой перестройки. Давно известно, хохот, переходящий в ржание, авторитета осмеянным не прибавляет. Например, заголовок в «Знамени пятилетки» над заметкой о вреде пьянства: «Где пьют, там и горюшко...». К поговорке претензий никаких, она проверена временем. Но один из сотрудников райкома, а именно — заведующий орг. отделом, носил фамилию Горюшко... Ситуацию не спасало, что Александр Иванович, в отличие от иных коллег по работе, отличался и умом, и тактом, и знаниями.

В Киеве родители, наконец, получили квартиру. Жилплощадь с учётом моей семьи. Обитатели моего родного Подола — старинного района Киева, где издревле селились кожемяки, дегтяри и прочие ремесленники — к тому времени стали переселяться в новое благоустроенное жильё. Через год-другой до нас дошла бы очередь. Да вмешались мои давние комсомольские друзья,

помнившие, что это я сочинил слова песни на музыку знаменитого композитора Данкевича — «Комсомольская юность Печерска».

Но и друзья по комсомолу ничего не могли изменить в тенденции о недопущении «инвалидов пятой группы» к работе в редакциях. Помыкался, помыкался, попытался освоиться в главном издательстве учёных — «Наукова думка» — да убедился, что не моё это дело. Нужна газета, а с нею как раз напряжёнка за напряжёнкой. Ах, как побагровела заместитель редактора двуязычного органа Киевского ЦК «Рабочей газеты» — некая дама по фамилии Бабенко-Пивторадни. Чуть ли не выговор мне устроила за то, что сотрудник многотиражки желает работать не где-нибудь, а в центральном органе ЦК КПУ. Двери за собой прикрыл, а она бушевала и бушевала.

Понял, лучше уж дышать полной грудью в местах, где с кислородом сложности, чем не иметь возможности работать по призванию. Простите за высокий стиль. Написал директору Ковдорского ГОКа А.И. Сухачеву: очень хочу вернуться. Пришла телеграмма за его подписью. С указанием номера квартиры, что ждёт меня и мою семью в новом доме. Слава Богу! Полутороговой эксперимент с попыткой прижиться в Киеве закончился. На севере вновь задышу полной грудью.

Уволился из ненавистного издательства, упаковал вещи и пишущую машинку. Жду разрешения милиции на въезд в погранзону. Вдруг обухом по голове. Телеграмма: «Ковдорский райком партии не рекомендует вам выезжать по вызову Ковдорского ГОКа».

Сижу и думаю. Рекомендации этих ребят не шибко волновали, пока работал редактором многотиражки. Это их возмущало. И так и эдак показывали мне, кто в доме хозяин. Потому, собственно, и собрал манатки. Если вернусь, поставлю директора в двусмысленное положение. От своих слов он вряд ли откажется. Но работать придётся не в газете, а в техбюро. Публика другая, чем в киевском издательстве, но обязанности схожи. Стоит ли покидать Киев, если на севере упрусь в запрет на газету?

Философ из меня сомнительный, самый, что ни на есть, самодеятельный. Однако, воспользуюсь правом автора и позволю себе немного пофилософствовать. Дворяне и прочие представители элиты прежних веков формировались на протяжении столетий. Всегда и постоянно — под прессом каждодневных обязанностей. В Средние века рыцарю надо было озаботиться о приобретении доспехов и лошади, досконально владеть оружием. Иначе, какая от него польза и кому он нужен? В Революцию в первых рядах шагали бойцы, кто мог зажечь людей и делом, и словом.

В спокойные периоды истории от исполнителей никаких подвигов не требуется. Вообще лучше без всякой инициативы. Это королю Артуру или Великому князю Владимиру требовались самостоятельные и обстрелянные слугаки. И пыльные шлемы комиссары абы кому не выдавали. Правда, общество к XX веку успело выработать противоядие, гарантирующее от попадания на чиновничьи должности людей без клепок в голове, с гипертрофически развитым нюхом на предмет, чего требуется начальству. И к

кому из них в случае чего прислониться. В жутком варианте от таких деятелей избавляются путём сталинских репрессий, «перетрахиванием» (воспользуемся словечком президента Белоруссии) кадров. В либеральном — с помощью системы противовесов. Третьего не дано.

Нечего удивляться прискорбному факту, что Ковдорский райком партии в первом своём составе не просуществовал даже пятилетки. Из присланных порученцев лишь Комаров взлетел до должности губернатора области и выше. И пропал без следа. Остальные тихо растворились. Разве что местный кадр по фамилии Румаков, в прошлом директор Ковдорского леспромхоза и начальник цеха технологического транспорта ГОКа, попытался было закрепиться на хозяйственной должности в Оленегорском ГОКе. С треском оттуда вылетел. Пока не нашёл себе должность, состоявшую из полномочий без обязанностей — в Госгорнадзоре.

...Звоню отвсеку «Полярной правды» Николаю Бакшевникову. Облегчить душу, поплакаться в жилетку. Он отшелушил мои эмоции, поделился информацией с заведующим сектором печати обкома партии Полтевым. Константин Владимирович перезвонил — не напрямую, ему по должности не положено — дня через три. Спросил, не соглашусь ли я вернуться на Кольский полуостров и возглавить районную газету на Терском берегу? По понятиям жителей Мурманска такой юг, что южнее некуда.

Сижу, загибаю пальцы. Газета хоть и районная, но маленькая, шесть полос в неделю, всего на две больше, чем в «Рудном». Трёхразовая. Три первых полосы и всего три на всё остальное. Но ведь районная, рангом выше многотиражки. Попросил передать, что согласен. Спустя день пришла телеграмма за подписью первого секретаря Терского райкома партии. С приглашением на работу и с сообщением о предоставлении двухкомнатной квартиры.

Спустя три месяца перевёз жену с сыном. И всем радостям радость: мне вернули «полярки», заработанные в Ковдоре. Полярные надбавки, что фактически удваивали зарплату. Орденоносцам во время и сразу после войны капали доплаты за государственные награды. Отец получал. Орденов с медалями, если не считать ветеранскую, у меня нет. Но удвоенную зарплату вполне могу приравнять к высокой правительственной награде. Говоря честно, горжусь ею.

А вот передать внукам «роман из трёх телеграмм» не смогу. Первые две телеграммы — от директора Ковдорского ГОКа и Ковдорского райкома партии — сохранил, а с третьей — телеграммой Терского райкома — пришлось расстаться. Переслал её в областное управление по печати, она послужила основанием возвращения ежемесячных 80 процентов добавок к окладу редактора.

Всегда бы так заканчивались большие и малые неприятности!

«ВПЕРЕДИ — ИСТОРИЧЕСКАЯ РОДИНА»

В заголовке главки — острота моего сына. Над шоссе засияли огни Ковдора. Города, где он родился, где предстояло окончить школу.

Полгода тому назад, когда получил предложение стать доверенным лицом — ответственным за средства массовой информации — первого секретаря Мурманского обкома партии, особых эмоций не проявил. Отнёс доверие на счёт запоздалого признания моих достижений на журналистской ниве, умения писать.

До зимы 1989-го имел самое приблизительное представление о порядках, царивших за обкомовскими дверями и выше. Годом раньше поразился шику помещений и оборудования в Ессентукском санатории советских органов. Обрадовался отсутствию очередей к зубному врачу. Стоматолог развлекала разговорами. На каждого пациента ей отводится по 40 минут. А вот в здравнице напротив, в санатории ЦК, при такой же зарплате положено тратить на пациента по часу. А я-то думал, что оба дворца здоровья лишь размерами бассейнов для плавания отличаются. У нас 18-метровая ванна, у них — 25-метровая...

Въелось представление, что за стенами партийных комитетов творится что-то серьёзное и глобальное. Пока не присмотрелся. Ушлые киевляне часто забегали на минуточку в здание горкома у Михайловского собора. И самого ЦК. Прописка не требовалась, покажи партбилет с уплаченными взносами и проходи. К инструктору. Или, если приспичило, в туалет. С гигиеническими заведениями общественного пользования в Киеве и в советские годы было туго. А в партийных домах они содержались в чистоте и в порядке.

Поздновато понял, что кандидатура первого секретаря обкома в условиях перестройки была заранее обречена. Прибыл он в Мурманск с полгода тому назад. На волне горбачёвской перетряски кадров. Пришельца из шахтёрского края Дальнего востока аборигены в штыки не приняли, но своим не считали.

За какой-то месяц я расширил свои географические горизонты на Кольском полуострове. Где на машине с обкомовскими номерами, а где и на вертолёте. Аппарат старался. Номера в гостиницах утопали в коврах, холодильники распирало от яств. Зимой, в самое снежное время, на дороге обошлось без единого снежного затора. В тумане вертолёт пересёк финскую границу. Руководители района, командир дивизии и начальник погранотряда успели порядком замёрзнуть. Насколько знаю, инцидент заглох, не дойдя до столиц.

Меня, доверенное лицо, окружали заботой по первому разряду. В разумении местных руководителей. В номерах гостиниц почему-то стояло два телевизора и два холодильника. На случай, если техника подведёт. Ни одного стола или тумбочки. Инструктор райкома изобразил крайнюю степень удивления моей привередливостью. Объяснить ему не смог, что зачислен в свиту кандидата в депутаты не для того, чтобы есть, пить да сериалы щёлкать.

Новый первый Мурманского обкома был рекомендован на партийную работу с должности начальника шахты в Забайкалье. Человек годами вырабатывал в себе умение не столько говорить, сколько работать. Для повсходивших, как сорная трава демократов, новый мурманский генсек стал весьма удобной мишенью. Команда кочевала из одного города в другой. Набивалась в красные уголки и залы Дворцов культуры. Сыпала, как из пулемёта, вопросами позаковыристее.

В отчёте с предвыборного собрания в Ковдоре, где проработал почти десять лет, я допустил прокол. На трибуну протолкнули притчу во языцах, завсегдадая местного вырезвителя. Жив курилка! При его-то подвигах! Взобрался и чуть не плакал по причине мизерной пенсии. Столько лет проработал на севере, а жить не на что. Я позволил себе печатно возмутиться. Мужик поменял десятки рабочих мест, его всюду выгоняли за пьянку. Дома — шаром покати, зарплату жены пропивал. И всерьёз считает, что государство виновато. А ведь ещё в Библии сказано, что кто не работает — тот пусть и не ест...

Подкинул, не подумав, аппетитную косточку конкурентам и оппонентам. Профсоюзный деятель по фамилии Мисник из Мончегорского комбината, то есть лицо, освобождённое от вкалывания и создания материальных ценностей (зато причастное к распределению путёвок, квартир и прочих благ), завопил на всех перекрёстках, что кандидат от власти не уважает человека труда и не желает заботиться о его старости. Вещал от имени себя и партии «Яблоко», к которой примкнул.

Встречи с новыми руководителями райкома и райисполкома обрадовали. Выдвиженцы из области и возжелавшая власти местная публика, в основном, покинули Ковдор. Не справилась с бурными волнами перестройки. Пришлось их заменить людьми, доказавшими свою работоспособность на производстве. На отдельно взятом участке — в Ковдоре — рокировка удалась. В целом по стране с нею безвозвратно припоздали.

Высказанные и невысказанные вопросы — «А не согласен ли я вернуться в родные пенаты на должность редактора «Знамени пятилетки»? — подхлестнули мою давнюю мечту. В Терском районе вроде прижился, взнудал себя обязанностями по отношению к коллективу редакции и авторскому активу. Но что стало с моим детищем — «Рудным Ковдором» — и куда окончательно скатилась Ковдорская районная газета тоже видел.

В голове засела информация по межгороду, время от времени доносившаяся до моих ушей. Все пять с хвостиком лет в Умбе созванивался с Ковдором. С другом юности Виталием Фёдоровичем Михайловым, продолжавшим работать заместителем директора ГОКа по капстроительству, с близкими по духу ковдорчанами. Герольд Косицин, директор Ковдорской типографии, снабдил умбских полиграфистов лет на пять вперёд электромоторами и прочими причиндалами. В Умбе лишь леспромхоз мог поделиться техникой. Один на весь район, а попрошаек — на каждом шагу.

Время от времени наезжал в Ковдор, в том числе — по просьбе многолетнего директора ГОКа А.И. Сухачева. Он предложил поучаствовать в написании истории комбината. Чуть ли не после каждого разговора с Ковдором тамошняя телефонистка, как услышит мою фамилию, так и требует у умбской коллеги: «Верните нам нашего Махлина!». Не знаю, была одна такая говорливая телефонистка или их несколько? Всё думал по возвращении в Ковдор познакомиться. Да не решился.

Припомнилась та телефонистка, когда меня вызвали в обком и настоятельно предложили стать доверенным лицом Первого. Заикнулся о возможности перевода в Ковдор. Мне ответили: «Подумаем...». Позабыл об этом разговоре. Но вскоре дошли слухи, что редактор «Знамени пятилетки» собирает монетки и даже обменял свою ковдорскую квартиру на родной ему Мончегорск.

В Ковдоре, в отличие от Умбы, жизнь бурлила. Только успевал отписываться. Сначала в «Ковдорчанине», потом в «Полярной правде». Спустя годы эти, зафиксированные на бумаге отблески мгновений, легли в основу моих воспоминаний о закате перестройки в отдельно взятом районе области.

Один за другим взбирались в кресла начальников цехов Ковдорского ГОКа разнокалиберные демагоги. И тихо-тихо они уступали дорогу грамотным специалистам. Фундамент, заложенный в своё время директором комбината А.И. Сухачевым, не так-то просто было расшатать сторонникам красивых фраз. Многолетнего директора столкнуть с должности получилось — под предлогом модного лозунга о защите экологии. Что правда, то правда, директор приказал накануне зимы слить в неопрессованные ёмкости горючее. Немного мазута просочилось в землю и подлило горючки в огонь, раздутый мнимыми защитниками природы.

Всё громче заявляла о себе молодая поросль, из комсомольцев последнего призыва. Отстаивающая, так сказать, моральные ценности. Может быть, их было больше, но я запомнил двух активистов со свечками в руках. Пасмурным осенним днём они стояли у входа в кинотеатр «Юность» — чтили память академика А.Д. Сахарова. Оба активничали на полях борьбы с привилегиями. Как-то влетели в отдельную комнату ресторана, где по привычке обедало начальство средней руки, долго и тщательно сверяли расценки в меню с ресторанными раскладками. Не найдя расхождений, удалились, не скрывая разочарования.

Доживавшие последние дни ответственные сотрудники райкома весьма побаивались пришествия этих активистов, готовы были принять меры (и принимали) по первому их требованию. Мне и тогда не очень верилось в искренность сих деятелей. Но останавливал себя, думал, интуиция подводит. Спустя года полтора, когда окончательно распрощался с Ковдором, всё стало на свои места.

Указанные деятели воплотили в жизнь опыт одного из негативных героев «Республики ШКИД». Того самого, что сэкономил в детдоме несколько паек хлеба, а потом ссужал кусочки под зверские проценты вечно голодным соседям

по комнате и столовой. На языке идеологов перестройки — проявил деловую хватку. Эти двое принципиально не поехали в отпуск, прослышав, что ГОК «Ковдорслюда» распродаёт остатки кабельной продукции. Двух отпускных вполне хватило, чтобы комбинат смог заштопать сиюминутные прорехи. Обладая столь завидным дефицитом, предприниматели развернулись. Обзавелись собственным офисом в Доме культуры, в центре города. Взлёт новоявленных предпринимателей я уже не видел, написали друзья.

Из «Знамени пятилетки» я первым делом послал на ежегодные курсы штатного заместителя. На следующий год — на экологические курсы — литсотрудницу, занимающуюся этим вопросом. Мой предшественник никого из сотрудников к курсам не допускал, ежегодно к немалому северному отпуску добавлял и этот, так сказать, учебный. На основной работе редактор не перетруждался, устранившись от обязанностей по наполнению газеты — её тащили на себе заместитель и ответственный секретарь. Побороть замшелую привычку отношений внутри конторы удалось не сразу.

Опирался на проверенных по «Рудному Ковдору» кадры. На Г.А. Котельникову, ставшую корректором, на Наилю Ганиеву, фотокора, на Татьяну Сапронову... Из набранных Татуром специалистов нормальным газетчиком был разве Матраев, в прошлом редактор районки под Тулой. Ему-то и предполагал передать бразды, да человек достиг пенсионного возраста и собирался уехать на родину.

Ругаю себя, что медлил с кардинальными преобразованиями в редакции. Перестройка пошла вразнос, кучу времени и сил забирали текущие заботы. Разве удалось затянуть из Ёны в редакцию поэта и шофёра Николая Князева. Сначала назначил его собкором по Ёне. А когда, по достижении 55 лет, сам ушёл на пенсию и стал собкором «Полярки» по югу области, передал Князеву бразды правления. Обиженные мной приверженцы Татура сожрали его при первой возможности. Пикнуть не успел.

За год с небольшим кое-что всё же сделал. Убедил: надо демократично, с оглядкой на мнение читателей, переименовать газету в «Ковдорчанин». Горжусь тем, что получилось протянуть руку помощи многолетнему директору ГОКа А.И. Сухачеву, коего за глаза на комбинате иначе, как «папой», не величали. При том, что возраст основного контингента подчинённых, в том числе и меня, был всего лет на десять меньше.

Несколько раз наведывался в кабинет к демократически избранному директору комбината Ляхову. В прошлом — кадровому оленегорцу, многолетнему секретарю тамошнего парткома. То есть, что-что, а говорить человек умел. Так и не убедил нового директора открыть для Сухачева должность консультанта. Ляхов наотрез отказался.

Предложил Алексею Ивановичу засесть за воспоминания. Человек умел говорить не по бумажке. Речь образная, с прибаутками. Словом владел. Опять же собрал хорошую домашнюю библиотеку, активно ею пользовался. Пообещал Алексею Ивановичу свою редакторскую помощь. Его мемуары впоследствии легли в основу книги о Ковдоре. Но сначала их перепечатывала

всё та же Галина Афанасьевна Котельникова, корректор районной газеты. Вторые экземпляры я отдавал автору. А в первых, по редакционной привычке, слегка ковырялся. Подстраховывал автора, пробежал строки взглядом со стороны.

Оказавшись один на один у стола, с авторучкой в руке, Алексей Иванович заполнил ту пустоту, в которую выпал после тридцати лет непрерывных забот. Год за годом рабочее утро начиналось у него с обхода цехов комбината, потом селекторная и чай, потом, до самого вечера непрерывные встречи, совещания, разговоры и серьёзные бумаги.

Кроме морального, уж извините за подробность, имелся в работе А.И. Сухачева над историей Ковдорского ГОКа и материальный подтекст. Персональная пенсия Всесоюзного значения, положенная орденоносцу и лауреату Ленинской премии, скукожилась на глазах. Зарплаты на предприятиях, в том числе гонорарный фонд районки, кое-как поспевали за инфляцией. А пенсии — нет. Не знаю, подсобил ли семье бывшего директора. Скорее фигурально. Но несколько бутылок коньяка на гонорар от ежедневных подач в газете он смог бы купить.

Думаю, и уверен, работа над воспоминаниями продлила жизнь Алексею Ивановичу. Жаль, отсутствие средств закрыло ему дорогу в санатории. Всё, что они с женой, два горных инженера, накопили за жизнь, пошло на строительство кооперативной квартиры в Орле.

Благодаря мемуарам Сухачева и историографа строителей Косарчука, я смог изменить график выхода газеты. Времена вокруг либеральные. Зимой, когда большинство читателей в сборе, стал выпускать по 4 и даже 5 номеров в неделю. А летом, в отпускной период, снизил периодичность до двух и до одного номера. При сохранении, разумеется, обязательной годовой цифры в 153 номера. Сотрудники газеты, даже те, что затаили на меня некоторое хамство, были довольны. Право на предпринимательство позволило выпустить в продажу расписание поездов из Кандалакши, расписание движения междугородних автобусов и прочую нужную информацию. Вырученных денег хватило сотрудникам редакции, оставшимся при исполнении, съездить на Соловки и обратно. К сожалению, я там не побывал, хотя пять лет жил вроде напротив, в Умбе.

Должность редактора обязывала баллотироваться в районный совет. В Умбе успел привыкнуть к этой роли, носил на лацкане пиджака флажок Российской Федерации, голосовал на сессиях райсовета. В Ковдоре пришлось попотеть прежде, чем получил достаточное количество голосов. Удивился количеству демагогов, добивавшихся депутатского мандата. Врачи, учителя, преподаватели музыкальной школы ринулись поднимать экономику. Специалисты, весьма далёкие по своему служебному опыту от создания материальных ценностей. Делить они могли и умели, а вот умножать — вряд ли. В чём убедили выборы в последующие годы. Но пока на сессиях было весело.

Меня увлекла идея помочь газете, столько лет опекавшей меня — «Полярке». Тем более, у неё появился обласканный новыми властями конкурент в лице «Мурманского вестника». В общем, как только получил пенсионное удостоверение и почувствовал свободу, поехал договариваться о переходе в штат — собкором по югу области с аккредитацией в Ковдоре. Районные власти пошли навстречу, выделили кабинет на этаже бывшего райкома партии.

Всё срослось. Собкор, по тем временам — свободная должность. Начальство за 300 км, подчинённых ни одного. Ни от кого не зависишь, никого, кроме достойных авторов, править не надо. Сколько напишешь и продиктуешь стенографистке — всё твоё. Наверное, неплохо справлялся с обязанностями собкора. Позднее, когда принялся за мемуары о Ковдоре и Умбе, многое из того, что опубликовал в «Полярке», почти без правок вошло в книги воспоминаний. Оказывается, умел писать. Хотя долго сомневался. Да и сейчас не уверен.

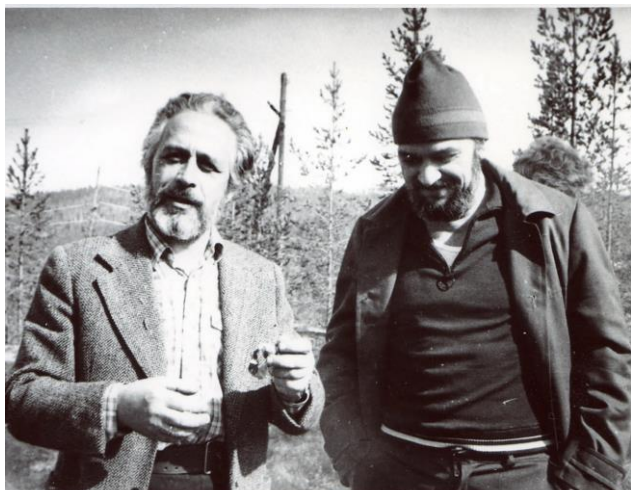
©"Заметки по еврейской истории"

[№5-6\(245\)](#)

май-июль 2023 года

*****

ФОТОПРИЛОЖЕНИЕ ИЗ КОВДОРСКИХ АРХИВОВ

Я.М. Махлин и Н.С. Князев

Н. Князев и Г. Косицын

Наиля Ганиева

Т.Н. Поганкина

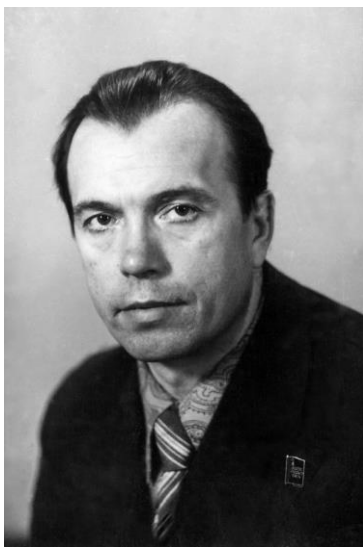

Я.М. Махлин, Н.П. Никитина, Е.И. Трубин

С.А. Радишевская, Г.А. Котельникова, С.И. Цховребова, А.Г. Азаренко

А.И. Сухачев

А.П. Сидоренков

В.П. Ляхов

А.В. Косарчук

В.И. Попытайленко

Редакция «Рудного Ковдора»